

Дима Сандманн

МАНИПУЛЯТОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*роман в ста главах
и трех*

18+

Дима Сандманн
Манипулятор. Глава 010
финальный вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24395916

SelfPub; 2020

Аннотация

**ВНИМАНИЕ! ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОДЕРЖИТ
НЕНОРМАТИВНУЮ ЛЕКSIKY!** "Манипулятор" – книга о стремлениях, мечтах, желаниях, поиске себя в жизни. "Манипулятор" – книга о самой жизни, как она есть; книга о том, как жизнь, являясь действительно лучшим нашим учителем, преподносит нам трудности, уроки, а вместе с ними и подсказки; книга о том, как жизнь проверяет на прочность силу наших желаний, и убедившись в их истинности, начинает нам помогать идти путем своего истинного предназначения. "Манипулятор" – книга о силе и терпении, о воодушевлении и отчаянии, о любви и ненависти, о верности и предательстве. "Манипулятор" – книга о пути и победе. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 10

Твердолобость – штука страшная, но жизнь ее лечит настойчиво. На неделю после обострения я забросил алкоголь и фастфуд и честно пытался нормально питаться. Все это время мать, отбросив семейные дразги, ревностно готовила для меня диетически супы и каши. Результат появился сразу, я оклемался, и дискомфорт в желудке пропал. Дальше все вернулось на круги своя – я забросил режим питания, гася боли сиропом и таблетками.

Едва я в очередной раз я оказался в машине Эдика, как взгляд его сразу замаслился.

– Ну, чего там у вас с Иннкой, как проводил? – произнес студент нетерпеливо.

Я отделался общей фразой. Эдик попытался ее обойти, но наткнулся на очередную и сник, сменил тему и сказал, что у него через неделю свадьба. Мне было все равно. Я не мог понять такого выбора, но признавал право самого выбора за каждым. Выбор сделан – живи с ним, не плачь.

– А жить-то где будете? Там же, на съемной?

– Да не. У меня есть своя однушка, от тетки досталась, в ней будем жить. Ремонт надо только сделать и можно заселяться.

– Класс! Своя квартира, круто! Поздравляю! – восторженно воскликнул я, едва разговор зашел о чувствительном для меня мо-

менте. «Когда уже у меня будет своя квартира? Не понятно. Денег нет. Вроде и зарабатывать начали с отцом, но это все равно копейки. Мне двадцать шесть лет, время еще терпит, вот бы к тридцати свое жилье купить! Если куплю, то буду самым счастливым на свете! Обладеть, своя квартира!» – думал я, провалившись в мечту.

– Спасибо, – вернул меня в реальность Эдик.

Мы заехали в мой двор. Тишина. В редких окнах бетонных коробок горел свет.

– Сколько с меня? – сказал я.

– Да как обычно! – Эдик рассмеялся. – Сколько не жалко.

Примерную таксу знали оба. Меньше я не давал, часто чуть больше. Я расплатился, мы распрощались. «Семерка» поползла прочь, подпрыгивая на дырявом асфальте.

«К тридцати будет у меня своя квартира», – твердо решил я и нырнул в подъезд.

Лето кончилось. Выходным бонусом к нему в первую субботу сентября случился День города. Народное гуляние на центральных улицах города продолжалось весь день и к вечеру скатилось в алкогольный угар. Венцом праздника служил салют. После которого праздная лавина устремлялась в ночные клубы, создавая у входа каждого столпотворение и давку. Зная это, ровно в 22:00, едва загрохотало, и зеваки задрали головы и загудели, я спустился в «Чистое небо». Клуб еще пустовал. Едва я заказал двойную «отвертку», как

снаружи все стихло, и толпа хлынула в клуб. Через десять минут сплошная гудящая масса, заполнила каждый уголок клуба, закурила и потребовала спиртного. Танцпол загрохотал. Началось!

Безумный вечер! Через час на танцполе запотели настенные зеркала. В тот вечер я ожидаемо встретил всех завсегда-таев клуба. Вынырнув из водоворота тел, около меня вдруг объявилась Аня. Я кивнул ей. Чуть жеманно девушка начала что-то рассказывать окружившим ее подружкам. Я потягивал алкоголь, курил и вынужденно слушал.

– Да, девчонки, прикиньте, выхожу замуж через месяц! – донесся до меня ее голос.

Я смотрел на Аню – девушка мне нравилась.

– Он весь такой фээсбешный! – сияла та широкой улыбкой.

Через секунду человеческая масса колыхнулась и развела меня и Аню, радостный монолог девушки заглушила музыка. Настроение тут же испортилось, мне стало тоскливо. И я, словно протестуя, заказал очередную двойную.

Через час из толпы на меня вывалился подвыпивший вспотевший и всклокоченный Саня. Его лицо сияло почти детским взором и такой же открытой улыбкой. «Счастливый дурачок прям», – подумал я, глядя на долговязую покачивающуюся фигуру в распахнутой наполовину взмокшей рубашке. Саня радостно пожал мне руку, и я ощутил себя неловко. Вроде как дорогу не перебежал парню, не отбил у

того девушку, пара сама разошлась, а я все равно чувствовал перед ним неловкость, будто действительно так поступил. Дурацкая ситуация. Саня продолжал искренне улыбаться. «Угораздило же на него наткнуться».

– А ты один, без Инны? – выдал я в лоб.

– Да, один. Мы расстались! – ничуть не смутившись, продолжал улыбаться Саня.

Его улыбка начинала бесить. Я не мог понять, он или был рад, что расстались, или ему было все равно, или он реально дурак и потому постоянно улыбается?

– Да я знаю, видел Инну, она мне сказала, – не стал темнить я.

– Ааа! – заулыбался тот сильнее, смотря неотрывно мне в глаза ясным взглядом.

Оба замолчали, и оттого возникла нелепая пауза. Надо мной нависала почти в два метра детина и улыбалась. Я же не знал, куда от нее деться. Словно почуяв мое состояние, Саня распрощался, радостно заявил, что пойдет пить дальше и скрылся в толпе. Едва он исчез, как я сообразил, что парень был пьян сильно. И все стало ясно – парень относился к тому типу людей, которые в сильном подпитии внешне почти не проявляли опьянения, но при малейшем превышении дозы принятого алкоголя просто валялись с ног. В Сане жил опасный признак потенциального алкоголика.

Водоворот клуба крутил меня до самого закрытия. В три ночи центральные улицы города представляли собой ужас-

ное зрелище. Почти сплошь ровным слоем лежал мусор: битые и целые стеклянные бутылки, пластмассовые «полторашки» из-под пива, жестяные пустые банки из-под коктейлей, рваные пакеты, бумажные упаковки от еды, мятые пустые сигаретные пачки и прочее. Содержимое всего этого было выпито, съедено, скурено. Но уже через несколько минут щетки тракторов коммунальных служб завертели и начали сгребать мусор к обочинам улиц. Эдика около гостиницы не оказалось, я поймал доехал домой на случайной машине. Долго не получалось уснуть, сознание крутило от выпитого и выкуренного. А когда стало легче, я провалился в сон и целовался там до изнеможения с какой-то девушкой, отметив про себя, что вкус ее губ, как у Ани.

Весь следующий день дико болела голова и мучила жажда. «С сигаретами вышел перебор», – решил я, вспоминая опустошенную за вечер пачку и принимая таблетку.

В самом конце сентября у той же тетки мы купили и второй киоск на рынке. Тетка похлопотала за продавщицу, и мы ее оставили. При одном взгляде на Полину становилось ясно, почему за нее просили – неряшливая невзрачная сутулая тетка невысокого роста и непонятного возраста, сильно припадающая на одну ногу и, судя по лицу, иногда пьющая. Она так жалобно смотрела в нашу сторону из-за прилавка киоска, что ее увольнение стало бы равносильным оставлению котенка на улице в зиму. Киоск достался нам дороже –

за сорок тысяч. Торговал он хуже первого, но для прокачки бартерного товара был нужен.

Увеличение нагрузки ощутилось сразу: вместо одной заявки теперь я обрабатывал две; складские запасы под киоски выросли; по утрам уходило в два раза больше времени на сборку товара для них. Темп работы вынужденно возрос, и тут сильнее стали заметны особенности наших с отцом характеров. Ему, рассудительному и спокойному, требовалось много времени для принятия любого решения. Каждое действие он тщательно обдумывал. Неплохое качество, но не для быстрой работы. С появлением второго киоска, времени для сборки накладных не стало больше, по-прежнему нужно было уложиться в час-полтора и выехать со склада. Иначе, задержавшись, мы начинали везде опаздывать. Моя природная расторопность тянула за двоих. Желая сделать любую работу быстрее, я сразу брал почти каждое принятие решения на себя – выдавал уже продуманное предложение, отец просто соглашался и все. Размещением и движением товара на складе занимался я. Перемещали товар мы вдвоем, но куда и что класть говорил я. Отец лишь носил машинально коробки и клал туда, куда я указывал. Он не помнил, где и что лежит, собирать товар приходилось тоже мне. Не мог отец запомнить или не хотел, я не знаю. Но он путался в товаре сильно. Если я его просил принести что-то, он некоторое время стоял молча, а после спрашивал – где же товар лежит на складе? Я стал конкретно говорить какой товар, в каком

количестве и откуда надо принести. Отец шел и нес. Пока он отработывал одну товарную позицию, я успевал собрать их три-четыре. После чего все повторялось. Из-за темпа набора товара я иногда ошибался в количестве или пропускал в накладных одну-две позиции. Недостача выявлялась обычно уже вечером при закрытии киосков. Отец делал недовольное лицо и начинал мне выговаривать, что я плохо собрал товар, снова спешил и вот результат – киоски остались без товара, и мы не добрали каких-то ста рублей выручки. Я возмущался его претензиям, мы ругались. Наши мелкие стычки с ростом объемов работы участились, выросла и напряженность. Первое время я терпел обвинительные реплики отца, позже начал огрызаться. Бесконечные претензии отца по любому поводу точили мое терпение.

Начался октябрь. Летнее тепло безвозвратно осталось в сентябре, с ним уходило и беззаботное настроение, сменяясь легкой хандрой. В работе наступил период интенсивной монотонности. Новых событий не происходило. Вся торговля была отлажена, оставалось лишь без устали перекидывать коробки с товаром и зарабатывать деньги. Киоски заметно повысили общую прибыль. Но самое важное, к осени 2003 года я уже ясно почувствовал – к нам привыкли, с нами считались, с нами общались и вели дела более-менее на равных. Мы прошли важный этап становления и признания в кругу себе подобных, мы выжили.

Едва я вышел из офисного здания «Пеликана», как на меня сзади с разбегу прыгнул Вовка, повис и, оттолкнувшись руками, отскочил вбок, пошел рядом.

– Вот ты чучело! – произнес я.

– Хы-хы-хы! – защерился тот, довольный своей выходкой, и тут же гаркнул чуть ли не в ухо мне. – Какие дела, буржуи!?

– Нормальные дела! Разгружаться надо, вот! – махнул я перед его носом накладной.

– А ну, че привезли-то!?! – Вовка цапнул бумажку из моих рук, внимательно изучил за долю секунды и тут же сунул мне ее обратно. – Как всегда, говно всякое!

Я промолчал, улыбнулся, понимая и принимая корявые шутки Вовки.

– Ладно, пошли, побуду с вами, пока выгрузите свое говно в склад! – подтянул тот отвисшие джинсы. – А то скучно в офисе, делать нехер, всю жопу отсидел! Пошли!

За полчаса мы выгрузились. Рабочий день кончился. Отец докуривал, мы с Вовкой привычно терлись подле «газели».

– Слушай, а куда ты там вечно ходишь!?! Как эта дыра называется? – выдал он.

– Какая это тебе дыра!?! Самое лучшее заведение города! «Чистое небо»!

– Название-то, блять, дурацкое какое-то, «Чистое небо», «Небеса» какие-то! Значит, туда ты ходишь!?! Все с вами ясно, молодой человек! Девоч, значит, там сымаете и трахаете,

да!?! – заломив брови, Вовка изобразил нравственную строгость.

– Фу, Владимир. Вы говорите как животное. Где ваша мораль? – дурачился и я.

– Хы-хы-хы... – засипел смехом тот. – Кароче! Я намерен посетить это, как его там, это ебучее «Чистое небо» и самостоятельно убедиться, что там и как!

– Ты потусить что ли собрался!?! – удивился я.

– Рамзес, ты на редкость сообразительный молодой человек! – воскликнул Вовка.

– Ладно, ладно, так уж и быть, свожу я тебя туда, проведу экскурсию! – засобирился я, едва отец закончил. – Ботинки начисть и трусы не забудь чистые надеть!

– Ого! А чего, там в грязных трусах не пускают!?! – выкатил глаза Вовка.

– Фейсконтроль! Слышал про такое? Там с ним очень строго! – я открыл дверь «газели», сел в кабину. – Таких как ты проверяют серьезно.

– Ну чо, когда пойдем-то в твой этот сраный кабак!?! – схватился Вовка за дверь, и начал ее мотать туда-сюда.

– Да оставь ты дверь в покое! – хлопнул я его по руке. – Домой придешь, откроешь входную дверь, станешь на площадке и мотыляй ей хоть до утра!

– Хы-хы-хы... – понравилась Вовке шутка, но он не отставал, вцепился и в меня как в дверь. – Ты меня не сбивай с мысли! Когда пойдем, я спрашиваю?

– Да без разницы, Вов! Там пятница-суббота самые жирные дни! Можно в пятницу, можно в субботу, выбирай! – сказал я.

Машина завелась.

– Так, когда лучше-то? Я чего-то не пойму, кто из нас профессиональный тусовщик, я или ты? – развел руками Вовка и удивленно сделал брови «домиком». – Я только развелся недавно, семейный человек, можно сказать!

– Был, – уточнил я, подняв указательный палец руки.

– Был, – поправился он.

– Ну, давай, в субботу ходим. Я тебе позвоню в обед и на вечер договоримся.

Вовка задумался.

– Все! Иди, давай! Работай! – отпихнул я его по-дружески и захлопнул дверь.

– Не, лучше в пятницу, – сказал Вовка.

– Хорошо, позвоню в пятницу, часов в шесть, – подытожил я. – Давай, пока.

– Поехали? – раздался голос отца слева.

Я кивнул. Машина тронулась. Я поднял руку, прощаясь с Вовкой. Тот тоже. Мы проехали несколько метров, и я привычно глянул в боковое трясущееся зеркало.

– В пятницу!!! – заорал Вовка вдогонку.

Я кивнул.

Третьего октября в девять вечера Вовка уже косолапо про-

хаживался на остановке у гостиницы, когда я вышел из автобуса. Он был в той же одежде, в какой ходил на работу – толстовка цвета хаки, темно-синие затертые джинсы и стоптанные пыльные туфли.

– Ну чо, показывай, где этот твой бордель!? – произнес требовательно Вовка.

– Там, – махнул я рукой через дорогу, и мы побрели к пешеходному переходу. – Интересно, Эдик сегодня работает или нет?

– Чо за Эдик!? Сутенер какой-нибудь!? – в предвкушении потер руки Вовка.

– Да не, таксист, – я всматривался в ряд машин, выискивая знакомую машину, ее не было. – Студент, подрабатывает извозом, вон там все время стоит на своем тарантасе.

– А чо у него за тачка? – семенил Вовка рядом по переходу, не поспевая за мной, и шарил глазами по ряду припаркованных машин.

– Белая «семерка», – сказал я, переходя на тротуар.

– А зачем он тебе?

– Да возит он меня домой все время после клуба.

– Ниче се, ты буржуй!! Личного водителя уже завел! – почти заорал Вовка, выпучив глаза. – Вы гляньте на него! Буржуй!! Продает какую-то херню и гребет деньги лопатой.

– Да хорош тебе! Какой водитель? – ощутил я неловкость от воплей. – Мы с ним случайно познакомились, теперь езжу с ним всегда домой, это удобно.

– Вы гляньте на него! – продолжал Вовка. – Познакомился с мальчиком, каким-то Эдиком! Нормальные мужики знакомятся с девками, а этот с таксистом.

– Да хорош тебе, Вов! У меня денег просто не было, а он выручил, – раздраженный дискомфортом, ответил я. – Орешь как потерпевший... Вон, народ оборачивается уже.

Вовка вмиг стушевался, заморгал часто и глупо, залился краской, вжал голову в плечи, виновато зажал рот рукой и, наконец, заткнулся.

– Вот ты олень, – сказал я тихо, с сарказмом глядя на друга.

– Хы-хы-хы... – засмеялся тот.

– О! Чис-то-е не-е-бо-о! – прочитал нарочито по слогам и с видом умственно отсталого Вовка, едва оказался перед вывеской клуба. – Это и есть что ли твои «Небеса»? Сейчас зайдем, посмотрим! Давай, веди! Ты тут уже свой в доску!

– Привет! – пожал я руку знакомому охраннику, кутившему на улице у входа.

– Какие люди! Здорова! – расплылся тот в улыбке, пожимая мне и Вовке руки. – Сегодня там нормально, есть красивые девочки.

– Тогда мы идем к вам! – спародировал я известную рекламу и потянул входную дверь на себя, нырнул внутрь, Вовка за мной.

– Блять, тяжелая какая, сука, эта дверь! – раздался позади его сдавленный голос.

Мы спустились по ступенькам и направились в бар, по пути со мной поздоровалась девушка-администратор, два охранника пожали руку. Но едва пожилая женщина сказала «добрый вечер», Вовка не сдержался, прыснул в кулак и ошарашенно произнес:

– Блять, тебя даже уборщица знает!

Мы миновали большую стойку. Я пожал руку бармену, кивнул паре официанток. У малой стойки мы остановились, бармен флегматично пожал руки мне и Вовке, и я заказал две двойных «отвертки», достал сигарету.

– И мне, – потянулся Вовка к пачке.

Закурили вдвоем. Подоспел и алкоголь. Мы взяли по стакану.

– А я и не знал, что ты куришь, – удивился я.

– Да так, покуриваю, – Вовка затянулся, скривился, будто попробовал лимон. – Я бросал, потом с этим разводом опять закурил. А там чего?

– Танцпол, – ответил я. – Сейчас там пока народу мало, вот через пару часов будет битком. Пошли, посмотрим, может, кого знакомых увижу...

– Блять, Рамзес, да тебя тут каждая собака знает! – чуть не поперхнулся Вовка. – Я первые полчаса только и делаю, что здороваюсь! У меня уже рука отваливается нахуй, и голова кивать устала.

– Вов, отъебись, а!?

– Хы-хы-хы.

Мы зашли в темноту танцпола, знакомых я там не увидел, через некоторое время у меня закончилась выпивка, и мы с Вовкой вновь очутились около барной стойки.

– Повторить? – произнес бармен.

Я кивнул и глянул на Вовкин стакан, еще наполовину полный.

– Ты чего так медленно пьешь!?

– Ну, я не могу быстрее! Нет такого опыта, – возмутился наигранно тот. – Это вы тут, гламурные, хлестаете пойло ведрами, а мы, крестьяне, как умеем.

– Да ладно, не прибедняйся, – сказал я и достал сигареты, Вовка снова стрельнул одну. Закурили. В клуб повалило. Я глянул на часы, 23:10.

– О, народу прям, глянь, все больше и больше! Девочек сколько! – растерялся Вовка, не зная, что ему делать: пить, курить или крутить головой по сторонам.

– Сейчас начнется! – кивнул я.

– Слушай! – повернулся ко мне Вовка. – Я тебе официально заявляю, мне это место нравится! Как называется!? «Чистое небо», да!? Короче, я теперь тут постоянный клиент!

– Я ж тебе говорил, – расплылся я в улыбке. – Плохого не посоветую.

Я обернулся. В потоке людей в проходе показалась Аня с подружками. Ее лицо выражало вселенскую грусть и отрешенность. Изображая веселье, девушка тужилась в улыбке, но глаза ее не искрились. Я почему-то сразу подумал о не

случившейся свадьбе.

– О! Аня пришла! – произнес я, кивнул той, девушка кивнула в ответ.

– Вот это сиськи!!! – чуть не заорал мне в ухо Вовка, схватил меня за руку и начал нервно дергать за нее. – Смотри!! Смотри!! Смотри!!

Мне стало жутко неудобно за вопли друга, я почувствовал, как заливаюсь краской от шеи и по самые уши. Аня приближалась, не слыша Вовкиных эмоций в грохоте клуба.

– Да видел я ее сто раз, че ты орешь-то? – отдернул я руку. – Сисек что ли не видел никогда?

– Рамзес, да ты глянь у нее какие! – лезли из орбит Вовкины глаза.

– Вов, да хорош тебе! – не сдержал я раздражения. Фраза возымела действие, Вовка заткнулся, продолжая страдальчески дергать меня за рукав. Мы пялились на Аню, как два кота на вязанку сосисек, разве что только не облизывались. Та остановилась в двух шагах от нас. Как по команде, подружки-«фрейлины» окружили Аню и стали наперебой галдеть. Я тянул коктейль через трубочку и наблюдал исподлобья. Аня старательно не смотрела в мою сторону. Я же пялился на нее в открытую. Рядом нервно кряхтел Вовка.

– Пошли на танцпол, – произнес я.

Вовка кивнул, мы стали пробираться меж людей, приближаясь к Ане.

– Привет, Ань! – сказал я, поравнявшись.

– О, привет! – натянуто изобразила та улыбку и радость встречи.

– Как свадьба? – вдруг вырвалось у меня.

– Не было свадьбы, – нервно произнесла девушка.

Магия ее обаятельности вдруг вмиг исчезла в моих глазах, мой интерес к Ане угас.

– Понятно, – бросил я в ответ. Поток людей подхватил меня и в несколько секунд унес в темное и душное пространство танцпола. Вовка не отставал.

Время перевалило за полночь. Клуб ходил ходуном. Мы с Вовкой уничтожали «отвертки» одну за другой. Его глаза ошалело вращались от происходящего. К двум ночи накал схлынул, посетители потянулись на выход. Через полчаса остались самые стойкие.

– В три закрытие, уйдем без пятнадцати, а то потом на выходе толпа будет, не люблю толпу, – сказал я Вовке, тот кивнул.

Через десять минут, в подпитии и счастливые, мы вышли на улицу.

– Прохладненько уже, – сказал я, поежившись.

– Блять, да, не лето! – рявкнул Вовка.

– Лето кончилось, даже не заметил его, пока таскал эти сраные коробки, – с грустью произнес я. – Ты хоть купался в этом году, загорал?

– Да было как-то раз, – отмахнулся Вовка.

– Я тоже купался всего один раз, даже не загорел, – кисло

произнес я. – Так и жизнь пройдет, не заметим ее, как и это лето...

Мы перешли дорогу к кинотеатру.

– Ну че, давай, такси что ли ловить!?! – предложил Вовка.

– Не, давай, дойдем до гостиницы, вдруг Эдик все-таки стоит там, – махнул я рукой, указывая направление. – На нем тогда и поедем.

Студент был на месте. Мы ввалились разом на задние сидения «семерки» и, после знакомства с Эдиком, Вовка принялся рассказывать тому о походе в клуб. Его ор заполнил салон машины и длился несколько минут. Наконец, Вовка выдохся и утомился.

– Куда едем? – тут же ввернул Эдик.

– Тебе куда, балда? – глянул я на Вовку, поняв, что не знаю, где тот живет.

Тот гаркнул, выкрикнув адрес.

Через двадцать минут мы притормозили на Т-образном перекрестке, примыкающая дорога которого уходила в темноту дворов.

– Это што ли твоя улица? – сказал я, всматриваясь вглубь очертаний домов.

– Может, его к дому подвезти? – добавил Эдик.

– Да не, не надо! Я тут близко живу, тут по переулку метров сто прямо и мой дом, – Вовка закричал и оказался снаружи.

– Надо будет как-нибудь к тебе в гости зайти, – сказал я.

– Рамзес! – развел руками Вовка. – Какие проблемы!? Заходи!

– Уговорил, зайду. Давай, иди спать, на работе увидимся, – кивнул я.

Вовка распрощался с нами, хлопнул дверью и косолапо зашагал в темноту старых дворов кирпичных «хрущевок». Через пятнадцать минут был дома и я.

Поздняя осень всегда одинаково уныла. 2003 год не стал исключением. Киоски торговали исправно. Складские запасы товара позволяли нам запустить еще одну точку. С деньгами был порядок, даже накопились пятьдесят тысяч, которые уже не требовались в обороте. Я предложил отцу открыть третью точку, он поддержал. Мне хотелось уже чего-то более значимого, чем примитивные киоски на рынке – тот же отдел в торговом центре. Все действующие торговые центры были заняты, а потому я принялся искать строящийся и нашел – центр планировался к открытию в конце года, приглашались арендаторы.

На следующий день мы посетили офис компании-застройщика. Там выяснилось, что самых маленьких отделов по семнадцать квадратных метров осталось всего два. Мы пообещали подумать и пошли на выход. По пути к «газели» я продрог и с удовольствием забрался в кабину. Отец запустил двигатель, включил печку. Едва в кабине стало тепло, как, приоткрыв окна, оба закурили. Из кабины строящийся

центр виделся как на ладони. Одноэтажный прямоугольник сто на тридцать метров – кирпичная коробка без изысков – он производил смешанное, даже скорее негативное впечатление.

– Дурацкая какая-то конструкция! – озвучил я мысль, рассматривая стройку, взятую в периметр бетонного забора. – Два неудобных входа, между ними стена без единого окна, а окна как раз по бокам от входов, там-то они зачем? И почему всего один этаж? Глупо не построить еще хотя бы пару этажей. И этот колпак стеклянный сверху, вообще идиотизм. Асфальта еще нет вокруг. Когда они его класть собираются!? Со дня на день снег пойдет!

– До снега если асфальт не положат, то в зиму и класть не будут, – произнес отец.

– Как это они хотят успеть открыться к Новому году? – удивился я.

– Не похоже, что успеют до Нового года, – поддержал отец.

Докурив, мы поехали домой. Там, сидя в кресле с кружкой горячего чая, я снова перебрал все «плюсы» и «минусы» увиденного. С одной стороны, аренда в новом центре была ниже, чем в действующих. С другой, дата открытия казалась нереальной. «И как-то глупо он расположен, за дорогой, дома жилые по эту сторону, а центр с другой стороны дороги, неужели туда народ будет ходить?» Минусы и плюсы застыли в моей голове на воображаемых весах в равновесии. Желание заполучить свой первый торговый отдел в приличном

торговом центре перевесило. Мы с отцом посоветовались и решили совершить этот шаг.

В конце последней недели ноября мы заехали в офис застройщика и согласились подписать договор аренды на отдел площадью в семнадцать метров. Отец подписал его под ободряющие заверения об открытии центра под Новый год. На вопрос об асфальте, было безапелляционно сказано, что с понедельника следующей недели работы начнутся, и дней за десять его уложат.

По календарю на этот понедельник пришлось начало зимы, и выпал первый снег.